

Марк Туллий Цицерон Об обязанностях*

[Октябрь — декабрь 44 г.]

Книга I

<...>

(VI, 18) Из четырех положений, на какие мы разделили сущность и смысл нравственной красоты, первое, состоящее в познании истины, более всего относится к человеческой природе. Ведь всех нас влечет к себе и ведет горячее желание познавать и изучать, и мы находим прекрасным превосходить других на этом поприще. Напротив, ошибаться, заблуждаться, не знать, обманываться, как мы говорим, дурно и позорно¹. В этом роде деятельности, и естественном, и нравственно-прекрасном, надо избегать двух ошибок; первая состоит в том, что непознанное принимают за познанное и опрометчиво с этим соглашаются. Кто захочет избегнуть этой ошибки (хотеть этого должны все), тот затратит на рассмотрение тех или иных вопросов должное время и прилежание. (19) Другая ошибка состоит в том, что некоторые прилагают чересчур большое старание и чересчур много труда к познанию темных и трудных предметов, в то же время не нужных нам. Избегнув этих ошибок, мы по справедливости прославим труд и старания, которые будут приложены в вопросах нравственно-прекрасных и достойных познания. Например, как об астрологе мы слыхали о Гае Сульпиции², как геометра мы сами знали Секста Помпейя³; многие известны нам в диалектике, еще большее число людей — в гражданском праве. Все эти науки направлены на исследование истины, но при изучении их отвлекаться от ведения дел противно долгу. Ведь вся заслуга доблести состоит в деятельности⁴; но последнюю часто прерывают, и многим людям дается возможность вернуться к изучению; вот тогда умственная деятельность, никогда не знающая покоя, может сохранить нас верными занятиям по познанию даже и без усилий с нашей стороны. И тогда все помыслы наши и движения нашей души будут направлены либо на принятие решений о делах нравственно-прекрасных и относящихся к хорошей и счастливой жизни, либо на занятия, связанные с наукой и познанием. Итак, о первом источнике обязанности мы сказали. (VII, 20) Из трех остальных самое широкое применение имеет положение, охватывающее узы между самими людьми и как бы общность их жизни. Это положение делится на два: на справедливость, в которой блеск доблести — величайший и на основании которой честные мужи и получают свое название, и на связанную с ней готовность творить добро, которую тоже дозволяется называть либо добротой, либо щедростью. Но первая задача справедливости — в том, чтобы никому не наносить вреда, если только тебя на это не вызвали противозаконием⁵; затем — в том, чтобы пользоваться общественной [собственностью] как общественной, а частной — как своей. (21) Ведь частной собственности не бывает от природы. Она возникает либо на

* Фрагмент книги Марка Туллия Цицерона, содержащий много рассуждений о войне, публикуется по изданию: Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / Отв. ред. С.А. Утченко, пер. и прим. О.В. Горенштейна. М.: Наука, 1974. С. 58–80.

основании давнишней оккупации, например, если люди некогда пришли на свободные земли⁶, либо в силу победы, например, если землей завладели посредством войны, либо на основании закона, соглашения, условия, жребия. Таким образом, Арпинская область называется принадлежащей арпинатам, Тускульская — принадлежащей тускуланцам, нечто подобное бывает и при распределении частных владений. Ввиду этого, — так как частная собственность каждого из нас образуется из того, что от природы было общим, — пусть каждый владеет тем, что ему досталось; если кто-нибудь другой посягнет на что-нибудь из этого, он нарушит права человеческого общества. (22) Но поскольку мы, как превосходно написал Платон⁷, родились не только для себя, и поскольку наше существование притязают отчасти наше отчество, отчасти наши друзья, и поскольку — по воззрениям стоиков — земные плоды все произрастают на потребу человеку, а люди рождены ради людей, дабы они могли быть полезны друг другу, то мы должны в этом следовать природе как руководительнице, служить общим интересам, обмениваясь услугами, давая и получая, и знаниями своими, трудом и способностями накрепко связывать человеческое общество. (23) Далее, основание для справедливости — верность, то есть стойкость и правдивость в словах и принятых на себя обязательствах. Итак, хотя это кое-кому, быть может, покажется несколько трудным, все-таки решимся подражать стоикам, ревностно старающимся узнать происхождение слов, и поверим тому, что верность [fides] была названа так потому, что сказанное делается [fit]⁸.

Но несправедливость бывает двух видов: один — со стороны тех, кто совершают ее; другой — со стороны тех, кто, хотя и может, не отводит противозакония от тех, по отношению к кому его совершают. Ведь тот, кто, охваченный гневом или каким-либо другим треволнением, противозаконно нападает на кого-нибудь, как бы налагает руку на члена общества; но тот, кто последнего не защищает и с противозаконием не борется, когда может, совершает такой же проступок, как если бы он без помощи оставил родителей, или друзей, или отчество. (24) Именно такие противозакония, которые совершаются умышленно, с целью нанести вред, часто порождаются страхом, когда тот, кто думает повредить ближнему, боится, что ему самому, если он этого не сделает, нанесут какой-нибудь ущерб. Но в подавляющем большинстве случаев люди вступают на путь противозакония, чтобы достичь того, чего они сильно пожелали. В этом проступке самым явным образом оказывается алчность. (VIII, 25) Люди добиваются богатства как ради удовлетворения насущных потребностей, так и ради того, чтобы доставлять себе наслаждения. У таких людей душа более широкая; в них жадность к деньгам направлена на достижение власти и на возможность оказывать благодеяния. Так Марк Красс⁹ недавно сказал, что у того, кто желает первенства в государстве, но содержать войско на свои доходы не может, денег далеко не достаточно. Людей услаждает великолепное убранство, как и изысканный образ жизни в сочетании с изобилием. Все это привело к безграничной жажде денег. Преумножение имущества, никому не причиняющее вреда, право, не заслуживает порицания, но всегда должно избегать противозакония. (26) Однако сильнее всего большинство людей доходит до забвения справедливости всякий раз, как ими овладевает желание империя, магистратур, славы. И слова Энния¹⁰:

*Нет священной общности,
Нет и верности во власти царской —*

применимы к очень многим людям. Ибо во всем том, в чем многие не могут выдвинуться, соперничество так велико, что сохранить «священную общность» весьма трудно. Это недавно доказало безрассудство Гая Цезаря¹¹, преступившего все божеские и человеческие законы ради того, что он для себя придумал в своем заблуждении, — ради принципата¹². В этом отношении прискорбно, что в самых великих душах и в самых блестящих умах в большинстве случаев возникает жажда магистратур, империя, могущества, славы. Тем более надо остерегаться подобного проступка. (27) Но при всякой несправедливости очень важно, как совершают ее: вследствие ли какого-либо душевного треволнения, большей частью недолгого и внезапного, или с заранее обдуманным намерением? Ведь то, что случается в связи с каким-нибудь неожиданным волнением, менее тяжко, чем то, что совершают умышленно и после подготовки. Но о противозаконах сказано достаточно.

(IX, 28) Что касается неоказания защиты и неисполнения долга, то причин для этого обыкновенно больше. Ибо люди не хотят ни вызвать вражду к себе, ни взять на себя труд или расходы, или же им их беспечность, леность, вялость, наконец, кое-какие стремления или занятия мешают в такой степени, что они мириятся с тем, что те, кого они должны защищать, оказываются покинутыми. Поэтому надо быть настороже и не удовлетворяться тем, что Платон сказал о философах¹³: так как они заняты исследованием истины и так как то, чего большинство людей усиленно добивается и из-за чего они обыкновенно с ожесточением сражаются, философы презирают и не ставят ни во что, то именно поэтому они и справедливы. Ведь они достигают одного вида справедливости — не причинять вреда противозаконием; но они не удовлетворяют другому виду справедливости: поглощенные своим стремлением изучать, они покидают тех, кого должны оберегать. Поэтому даже к государственным делам они, по мнению Платона, готовы приступить только по принуждению. Но было бы справедливее, чтобы это происходило добровольно; ведь именно то, что совершается должным образом, справедливо только при условии, что оно добровольно. (29) Бывают и люди, которые либо в своем стремлении сберечь свое имущество, либо, так сказать, из ненависти к людям¹⁴ говорят, что они своими собственными делами заняты и, казалось бы, не причиняют ущерба никому. Первого вида несправедливости они не совершают, но допускают второй; ибо они отворачиваются от общественной жизни, так как не прилагают к ней ни стараний; ни труда, ни своих способностей. И вот, так как мы, описав два вида несправедливости, дополнительно рассмотрели причины каждого из них, а до того установили, на чем справедливость основывается, то нам будет легко судить, какова будет наша обязанность при тех или иных обстоятельствах, если мы не будем чересчур себялюбивы. (30) Трудна ведь забота о чужих делах, хотя Хремет у Теренция и «находит, что ему не чуждо ничто человеческое»¹⁵; но все же так как нас касающиеся счастливые и несчастливые обстоятельства мы воспринимаем и чувствуем сильнее, чем обстоятельства, касающиеся других людей, которые мы видим как бы издалека, то о других людях и о себе мы и судим по-разному. Поэтому правильно учат те, кто запрещает какой бы то ни было поступок, если не знаешь, справедлив ли он; ведь справедливость светит сама по себе; сомнения свидетельствуют о противозаконных помыслах.

(Х, 31) Но часто бывают обстоятельства, когда то, что кажется вполне достойным человека справедливого и такого, какого мы называем честным мужем, изменяется и становится своей противоположностью, например возвратить принятую на хранение вещь все еще безумному человеку, исполнить данное ему обещание; что касается всего того, что имеет отношение к истине и к верности слову, то иногда справедливо отказаться и не сдержать своего слова. Подобает ссыльаться на те основы справедливости, какие я установил вначале: во-первых, никому не причинять вреда; во-вторых, служить общей пользе. В связи с обстоятельствами это изменяется, изменяется также и обязанность и не всегда остается одной и той же. (32) Ведь случайно можно обещать что-нибудь такое и заключить такое соглашение, что исполнение было бы пагубным либо для того, кому было обещано, либо для того, кто обещал. Ведь если бы Нептун не исполнил того, что он, по преданию, обещал Тесею, то Тесей не потерял бы сына Ипполита; ибо из трех желаний, о которых говорится в сказаниях, это было третье, высказанное им в гневе, — насчет смерти Ипполита. После того, как оно было исполнено, Тесея охватила глубочайшая скорбь¹⁶. Итак, нельзя исполнять обещания, пагубные для тех, кому ты что-то обещал, а если они для тебя более пагубны, чем полезны тому, кому ты их дал, то предпочесть лучший исход худшему не противоречит долгу. Так, если ты решил явиться как заступник¹⁷ к слушанию дела в суде, а тем временем тяжело заболел твой сын, то не выполнить обещания не будет нарушением долга; скорее тот, кому обещание было дано, преступит свой долг, если станет жаловаться на то, что его покинули. Более того, кто не понимает, что не надо быть твердым в исполнении обещаний, которые человек дал вынужденный страхом, дал обманутый злым умыслом? Впрочем, от большинства таких обязательств нас освобождает преторское право¹⁸, от некоторых — законы. (33) Противозакония часто совершаются в связи, так сказать, с извращением права и в связи с его не в меру тонким, но злостным толкованием. Вот почему выражение: «Высший закон — высшее противозаконие» — уже стало избитой поговоркой¹⁹. Много таких преступков совершается и в делах государственных; так поступил тот, кто, заключив перемирие с врагом на тридцать дней, по ночам опустошал его земли, так как заключенное перемирие будто бы относилось к дневному, но не к ночному времени²⁰. Не заслуживает одобрения также и наш соотечественник Квинт Фабий Лабеон²¹, если верно, что он или кто-то другой (ведь я говорю только на основании слухов), которого сенат назначил арбитром по проведению границ между Нолой и Неаполем, прибыв на место, убеждал отдельно обе стороны не проявлять жадности, не требовать лишнего и лучше отказаться от своего, чем пожелать чужого. Когда обе стороны исполнили это, между их землями осталась значительная полоса земли. Лабеон провел их границы так, как они сами их указали; то, что осталось между их землями, он признал владениями римского народа. Это значит обмануть, а не рассудить. Поэтому во всяком деле надо избегать подобной изобретательности. (XI, 34) Но некоторые обязанности надо выполнять даже по отношению к тем, кто нам причинил вред. Существует ведь мера в возмездии и наказании, и, пожалуй, будет достаточно, чтобы причинивший зло раскаялся в своем противозаконии — с тем, чтобы и сам он впредь не совершал ничего подобного, и чтобы другие были менее склонны к противозакониям²².

Что касается государственных дел, то строже всего надо соблюдать право войны²³. Так как существует два способа разрешать споры, один — путем обсуждения, другой —

силой, причем первый свойствен человеку, второй — диким зверям, то ко второму надо обращаться тогда, когда воспользоваться первым невозможно. (35) Поэтому войны надо начинать с целью, не совершая противозаконий, жить в мире²⁴; но после победы надо сохранять жизнь тем, кто во время войны не был ни жесток, ни свиреп; так, например, предки наши даже предоставили права гражданства тускуланцам, эквам, вольскам, сабинянам и герникам, но Карфаген и Нуманцию разрушили до основания²⁵; к сожалению, они так же поступили и с Коринфом²⁶, но я думаю, что они руководствовались какими-то соображениями, главным образом, удобным местоположением города, — как бы со временем уже само местоположение не могло побудить жителей Коринфа начать войну. По моему личному мнению, всегда следует заботиться о сохранении мира, который не таил бы в себе ковов. Если бы насчет этого послушались меня²⁷, то у нас все-таки было бы хотя и не наилучшее, то все же какое-то государство, которого теперь нет. И если о тех, кого ты наголову разбил силой, надо заботиться, то тех, кто, сложив оружие, прибегнет к покровительству наших императоров, надо — хотя таран уже пробил стену их города²⁸ — принять под свою руку. В этом отношении справедливость была у нас в таком большом почете, что те, кто принимал под свое покровительство городские общинны или народы, побежденные во время войны, становились, по обычаю предков, их патронами²⁹. (36) Понятие справедливой войны было строжайше определено фециальным уставом римского народа³⁰. Из этого можно понять, что справедливой может быть только такая война, которую ведут после предъявления требований или же предварительно объявили. Император Попилий ведал провинцией³¹, а в его войске сын Катона³² служил как новобранец. И вот Попилий, признав нужным распустить один легион, уволил и сына Катона, служившего в этом легионе. Но когда тот, желая сражаться, остался в войске, то Катон обратился к Попилию с письмом, в котором просил его — если он согласится на то, чтобы юноша оставался в войске, — обязать его второй воинской присягой, так как, после того как первая утратила силу, он уже не был вправе сражаться с врагами. Вот как строго соблюдались правила при начале военных действий! (37) До нас дошло письмо старика Марка Катона к сыну Марку, где он пишет, что, по его сведениям, консул³³ уволил его от службы, когда он как солдат находился в Македонии во время войны с Персеем. И вот отец предостерегает сына от участия в сражениях; по его утверждению, сын его, не будучи солдатом, не вправе сражаться с врагом. (XII) Со своей стороны, обращаю внимание также и на то, что печальная действительность скрашивалась мягкостью слова, так как человека, по прямому значению наименования бывшего государственным преступником, называли гостем³⁴. Ведь в древности гостем называли того, кого мы теперь называем чужеземцем. В XII Таблицах³⁵ говорится: «... и л и день, назначенный для слушания дела с гостем», а также: «по отношению к гостю право заявлять притязания и м е е т в е ч н у ю с и л у»³⁶. Что еще можно прибавить к такой благожелательности — давать столь мягкое название тому, с кем ведешь войну? Впрочем, время уже придало этому названию некоторую жесткость: ибо оно уже перестало относиться к понятию «чужеземец» и сохранило свое значение только применительно к тому, кто идет на нас с оружием в руках. (38) Но когда не на жизнь, а на смерть сражаются из-за владычества и, ведя войну, ищут славы, все-таки совершенно необходимо наличие тех же оснований, какие я только что назвал законными

для объявления войны. Однако войны, в которых дело идет о славе нашей державы, надо вести, воздерживаясь от жестокости. Подобно тому, как при соперничестве между гражданами мы ведем себя по отношению к недругу не так, как по отношению к соискателю (с последним состязание происходит из-за магистратуры и высокого положения, с первым — из-за гражданских прав и доброго имени), так войну с кельтиберами, войну с кимврами³⁷ мы вели как войну с недругами — из-за того, кто из противников будет существовать, а не из-за того, кто из них будет повелевать; с латинянами, с сабинянами, с самнитами, с пунийцами и с Пирром мы сражались из-за владычества. Пунийцы нарушали договоры, жесток был Ганнибал³⁸, другие были справедливее. Что касается Пирра, то прекрасны были его слова насчет освобождения пленных³⁹:

*Злата не требую я, и выкупа мне не давайте:
Ведь не торгуя войной, но идя военным походом,
Мы заспорим о жизни мечом, не златом, и вам ли,
Мне ли царить Судьба повелит и что принесет нам, —
Доблестью нам испытать. Так выслушай ты мое слово:
Раз их доблесть в бою пощадило военное счастье,
Их же свободу теперь и я пощажу непременно.
Их отдаю, уводите, дарю: всевышних то воля.*

Решение подлинно царское и достойное рода Эакидов⁴⁰.

(XIII, 39) Даже если отдельные лица, вынужденные обстоятельствами, в чем-нибудь обязались перед врагом, то и в этом надо держать слово; например, во время первой пунической войны Регул⁴¹ — после того, как он, взятый пунийцами в плен, был послан ими в Рим для переговоров об обмене пленными, — прежде всего, тотчас же по приезде, насчет возвращения пленных высказываться в сенате не стал⁴², а затем, хотя родные и друзья удерживали его, предпочел возвратиться, чтобы подвергнуться казни, но только не нарушать честного слова, данного им врагу. (40) Во время второй пунической войны десятерых пленников, которых Ганнибал после битвы под Каннами⁴³ послал в Рим, клятвой обязав их возвратиться, если они не исходатайствуют выкупа пленных, цензоры, за совершенное ими клятвопреступление, всех пожизненно оставили в сословии эрарных трибунов⁴⁴, в том числе и того из них, который, давая клятву, навлек на себя вину, прибегнув к обману. Дело в том, что он, покинув лагерь с дозволения Ганнибала, вскоре возвратился в него, так как он, по его словам, забыл взять какую-то вещь; выйдя из лагеря вторично, он считал себя уже свободным от клятвы; он был свободен от нее только на словах, но не в действительности. Ведь когда дело идет о честном слове, всегда надо думать о своем намерении, а не о своих словах. Величайший пример справедливости по отношению к врагу нам подали наши предки, когда перебежчик от Пирра обещал сенату, что он даст царю яд и умертвит его⁴⁵. Сенат и консул Гай Фабриций выдали перебежчика Пирру. Таким образом, они не одобрили преступного умерщвления даже врага, и притом могущественного, пошедшего войной на Рим по собственному почину. (41) Но об обязанностях, связанных с войной, сказано достаточно.

Вспомним также, что справедливость надо соблюдать и по отношению к людям, стоящим весьма низко. Самые низкие — положение и участь рабов, и правы те, кто советует обращаться с ними, как с наймитами: требовать от них труда, предоставлять им все положенное. Так как противозаконие совершается двумя способами, то есть либо насилием, либо обманом, то обман кажется свойственным жалкой лисице, а насилие — льву. И то и другое совершенно чуждо человеку, но обман более ненавистен. Из всех видов несправедливости все же наиболее преступна несправедливость со стороны тех, кто, прибегая к обману, старается казаться честными людьми⁴⁶. О справедливости сказано достаточно.

(XIV, 42) Теперь, как мы себе наметили⁴⁷, поговорим о благотворительности и щедрости. Из всех качеств именно эти наиболее свойственны натуре человека, но со многими оговорками. Прежде всего надо осторегаться, чтобы эта доброта не вредила именно тем людям, которым, как нам кажется, мы делаем добро, а также и другим людям; затем — чтобы доброта не превышала наших возможностей; далее, надо стараться воздавать каждому по его заслугам; это — основа справедливости; к ней и надо относить все это рассуждение. Ибо тех, кто оказывает людям милость, которая может повредить тому, кому, по-видимому, хотят принести пользу, надо признать не благодетелями и не щедрыми людьми, а несущими погибель потворщиками; те же, кто причиняет вред одним людям, чтобы быть щедрыми к другим, совершают такую же несправедливость, как если бы они присваивали себе чужое имущество. (43) И есть много людей, и притом жаждущих блестательности и славы, отнимающих у одних, чтобы давать другим, и при этом думающих, что они покажутся благодетелями по отношению к друзьям, если обогатят их любым способом. Но это столь далеко от исполнения долга, что ничего более противного исполнению долга не найти. Итак, надо следить за тем, чтобы наша щедрость приносила друзьям пользу и не вредила никому. Поэтому передача имущества от законных собственников сторонним людям, совершенная Луцием Суллом, а впоследствии Гаем Цезарем⁴⁸, казаться щедростью не должна; ибо щедрым может быть только законное действие.

(44) Второе положение моей оговорки гласило, что наша доброта не должна превышать наших возможностей, так как желающие быть большими благодетелями, чем им позволяют их средства, прежде всего совершают проступок, нарушая права своих ближайших родственников; ибо имущество, которое было бы справедливо предоставить и завещать этим последним, они передают сторонним людям. Ведь в такой щедрости в большинстве случаев кроется желание грабить и забирать себе незаконным путем, дабы обладать достаточными средствами для дарения. Можно также заметить, что очень многие люди, не столько щедрые от природы, сколько движимые, так сказать, жаждой славы, делают, желая показаться благодетелями, многое, проистекающее скорее из их склонности к хвастовству, чем из добрых побуждений. Но такое притворство ближе к суетности, чем к щедрости или к нравственной красоте.

(45) Третье положение гласило, что при благотворительности надо руководствоваться заслугами; при этом надо принимать во внимание и характер человека, которому будет оказано благодеяние, и его отношение к нам, и общие черты у него с нами, и его поведение в общежитии, и услуги, какие он нам уже оказал. Иначе более многочисленные и более

важные причины возымают больший вес. (XV, 46) Но поскольку мы живем не среди совершенных и без исключения мудрых людей, а среди таких, для которых вполне достаточно, если они являются отображением доблести⁴⁹, то, по моему мнению, надо также понять, что нельзя полностью пренебрегать ни одним человеком, в котором могут проявиться хотя бы малые признаки доблести, но что надо уделять людям возможно больше внимания и тем в большей мере, в какой каждый из них наделен следующими доблестями, склоняющими человека к мягкости: умеренностью, воздержностью и той самой справедливостью, о которой уже было сказано многое. Ибо сильный и великий дух в человеке, далеком от совершенства и мудрости, в большинстве случаев бывает чересчур бурным, в то время как упомянутые доблести свойственны именно честному мужу. Вот что можно сказать о нравах людей. (47) Что касается доброжелательности, с какой к нам могут относиться, то, во-первых, наша обязанность — делать больше всего для тех, кто более всего нас почитает; но о доброжелательности надо судить не так, как судят юноши, — так сказать, по пылу привязанности, но скорее по ее прочности и постоянству. Однако если заслуги людей будут таковы, что мы должны будем не делать первый шаг в добрых отношениях, но за них воздать, то нам надо будет приложить, пожалуй, еще большее старание; ибо нет более повелительной обязанности, чем отблагодарить человека. (48) И если Гесиод велит за то, что мы получили взаймы, по возможности возвращать с лихвой⁵⁰, то как должны мы поступать в ответ на благодеяние? Не следует ли нам подражать плодородным полям, приносящим намного больше, чем они получили? И право, если мы, не колеблясь, оказываем услуги тем людям, которые, как мы надеемся, нам принесут пользу, то как должны мы относиться к тем, кто нам ее уже принес? Ведь если есть два рода щедрости (один — оказать благодеяние, другой — воздать за него), то оказать ли его или не оказывать — в нашей власти; не воздать за него не дозволено честному мужу, конечно, если он может это сделать, не совершая противозакона. (49) Оказанные нам благодеяния надо различать, и нет сомнения в том, что за каждое величайшее благодеяние мы более всего и в долг. При этом все-таки прежде всего надо взвесить, с каким настроением, рвением и доброжелательностью нам оказали его. Ведь многие люди делают многое, так сказать, опрометчиво, не рассуждая, движимые как бы болезнью⁵¹ или внезапным душевным порывом, подобным, так сказать, ветру; благодеяния эти, по их значительности, нельзя считать равными тем, какие нам были оказаны по здравому рассуждению, обдуманно и последовательно; но когда мы оказываем благодеяние или за него воздаем, наша величайшая обязанность (если другие условия равны) — помогать именно тому, кто нуждается в помощи более всего; большинство людей поступает наоборот: именно тому, на кого они рассчитывают больше всего, они оказывают услуги даже тогда, когда он в них не нуждается.

(XVI, 50) Но лучше всего человеческое общество и союз между людьми будут сохранены в том случае, если мы будем относиться к каждому с тем большим расположением, чем теснее он с нами связан. Но, чтобы узнать, каковы естественные основы уз между людьми и человеческого общества, надо обратиться к более давним временам; ведь первая основа — та, которая усматривается в общности всего рода людского. Связью этой общности служат разум и дар речи, которые посредством наставления, изучения, взаимного общения, обсуждения и принятия решений сближают и объединяют людей, так сказать, в естественное общество; именно вследствие этого мы, по своей природе, так далеки от

зверей, которым, как мы часто говорим, свойственна смелость, например лошадям или львам; но мы не говорим, что им свойственны чувство законности, справедливость, доброта; ибо они лишены разума и дара речи⁵². (51) И содружество, действительно широчайшее открытое для людей в их взаимоотношениях, для всех в их отношениях со всеми, — это такое, в котором надо соблюдать общность всего того, что природа произвела на потребу всем людям, дабы то, что определено законами и гражданским правом, соблюдалось так, как это было установлено самими законами, а остальное находило уважение в соответствии с греческой пословицей: «У друзей все — общее»⁵³. И общее имущество всех людей, по-видимому, именно такого рода; пример его, приведенный Эннием насчет одной вещи, можно перенести на очень многие:

Кто путь заблудшему приветливо укажет,
Тот как бы лампу от своей зажжет.
Другому свет подав, себе не светит хуже⁵⁴.

На одном этом примере Энний учит достаточно ясно, что все то, что мы можем предоставить другим людям без ущерба для себя, надо отдать даже неизвестному нам человеку. (52) Из этого следуют вот какие общие обязанности: не преграждать доступа текущей воде; позволять другому брать огонь от своего огня⁵⁵; давать раздумывающему честный совет, если он захочет получить его. Все это полезно получающему, дающему не в тягость. Таким образом, надо и самому пользоваться этими благами, и всегда приносить что-нибудь на общую потребу. Но так как средства каждого из нас малы, а людей, нуждающихся в них, бесчисленное множество, то в повседневной щедрости надо держаться в вышеупомянутых пределах, установленных Эннием: «себе не светит хуже», — дабы мы могли быть щедры к своим родным.

(XVII, 53) В человеческом обществе есть много ступеней. И действительно, если оставить в стороне вышеупомянутое беспредельное общество, то существует более близкое нам, основанное на общности племени, народа, языка и теснейше объединяющее людей. Еще более тесные узы — принадлежность к одной и той же гражданской общине. Ведь у граждан есть много общего: форум, храмы, портики, улицы, законы, права, правосудие, голосование; кроме того, общение друг с другом и дружеские связи, а у многих и деловые отношения, установившиеся со многими людьми. Более тесны связи и узы между родными; исходя из вышеупомянутого неизмеримого общества человеческого рода, люди замыкаются в малое и тесное. (54) В то время как от природы общая черта всех живых существ — желание продолжать свой род, первоначальные узы состоят в самом супружестве, далее — в появлении детей, затем в создании одного дома и общего имущества; это уже начало и как бы рассадник государства. В дальнейшем возникают связи между братьями, затем между двоюродными братьями и сыновьями, которые, когда один дом уже не может их вместить, уходят в другие дома, словно в колонии⁵⁶. Затем возникают браки и связи между свойственниками, благодаря чему близких людей становится еще больше. Этоявление и распространение потомства служит началом государства. Кровное родство связывает людей взаимной доброжелательностью и привязанностью. (55) Ведь великое дело — иметь одни

и те же памятники предков, совершать одни и те же священодействия, иметь общие места для погребения⁵⁷.

Но из всех обществ нет лучшего, нет более прочного, чем такое, где честные мужи, нравами своими одни на других похожие, связаны дружескими отношениями; ведь нравственно-прекрасное, о котором мы часто говорим, даже если видим это в другом человеке, нас все-таки волнует и делает друзьями тому, кому оно, видимо, присуще. (56) И хотя нас влечет к себе всякая доблесь и заставляет нас любить тех, кому она, как нам кажется, присуща, все же более всего такое действие оказывают справедливость и щедрость. Но ничто так не приятно и не способно так объединять, как сходство добрых нравов; ведь среди тех, кому свойственны одни и те же стремления и одна и та же воля, один человек восхищается другим человеком так же, как самим собой; при этом исполняется то, чего Пифагор требует от дружбы: чтобы многие были как бы одним человеком⁵⁸. Великой является и общность, которую создают обоюдные услуги; поскольку они взаимны и людям по сердцу, то тех, кто оказывает их друг другу, связывают прочные узы.

(57) Но если взглянуть на все с точки зрения разума и души, то из всех общественных связей для каждого из нас наиболее важны, наиболее дороги наши связи с государством. Дороги нам родители, дороги дети, родственники, близкие, друзья, но отечество одно охватило все привязанности всех людей. Какой честный человек поколеблется пойти за него на смерть, если он этим принесет ему пользу?⁵⁹ Тем большего презрения заслуживает дикость тех, кто всяческими преступлениями растерзал отечество и полным уничтожением его занят теперь и был занят в прошлом⁶⁰. (58) Но если нам предстоит, так сказать, спор и сравнение, дабы мы могли решить, перед кем именно мы в наибольшем долгу, то да будут на первом месте отечество и родители, которым мы обязаны их величайшими благодеяниями, родные, наши дети и все домочадцы, обращающие свои взоры к нам одним и не могущие иметь никакого другого прибежища; далее — родственники, с которыми мы живем в согласии и большей частью разделяем их участь. Поэтому мы должны оказывать в жизни необходимую защиту более всего именно тем людям, которых я назвал выше. Что касается нашего существования и образа совместной жизни, советов, бесед, увещеваний, утешений, а порою и упреков⁶¹, то они основаны на дружеских отношениях, и приятнейшая дружба — та, которую скрепило сходство нравов.

(XVIII, 59) Но при исполнении всех этих обязанностей надо будет принимать во внимание, что именно более всего необходимо каждому человеку, чего он может и чего не может достичь также и без нас. Поэтому требования родства разных степеней не будут совпадать с требованиями обстоятельств. Ведь существуют обязанности, исполнять которые по отношению к одним людям должно в большей степени, чем по отношению к другим; например, соседу ты поможешь при уборке урожая скорее, чем брату или близкому другу; но если дело возбуждено в суде, то родственника или друга ты будешь защищать скорее, чем соседа. Итак, это и подобное ему надо принимать во внимание при исполнении любой обязанности (к этому надо себя приучить и приобрести опыт), дабы мы могли быть хорошими мастерами по расчислению обязанностей⁶² и видеть, путем сложения и вычитания, что получается в остатке, а из этого будет возможно понять, сколько мы должны каждому. (60) И вот, как ни врачи, ни императоры, ни ораторы, даже если они овладели правилами своего искусства, не могут, без опыта и упражнения, достичь ничего

такого, что было бы достойно великой похвалы, так — хотя правила соблюдения долга преподаются (так и сам я поступаю) — все-таки важность дела требует опыта и упражнения. О том, как из этих правовых отношений человеческого общества возникает нравственно-прекрасное, на котором основано исполнение долга, мы сказали, пожалуй, достаточно.

(61) Но надо понять, что — хотя были представлены четыре положения, из которых проистекают нравственная красота и чувство долга, — самым блестательным кажется то, что было совершено великим и возвышенным умом, презирающим дела человеческие. Поэтому при оскорблении более всего принято говорить, если это возможно, что-нибудь в таком роде:

Вы ведь, юноши, с душою женской, дева же, с мужскою⁶³

или что-нибудь в таком роде:

Сальмакида добыча без пролитья пота, крови!⁶⁴

Напротив, восхваляя деяния, совершенные с величием духа и исключительной храбростью, мы прославляем их, я сказал бы, во весь голос. Здесь открывается поприще для риторов — о Марафоне, о Саламине, о Платеях, о Фермопилах, о Левктрах⁶⁵; здесь наш Кокл, здесь Деции, здесь Гней и Публий Сципионы, здесь Марк Марцелл⁶⁶, бесчисленное множество других и более всего сам римский народ проявили выдающееся величие духа. Стремление к воинской славе можно усмотреть и в том, что на большинстве статуй мы видим военную одежду.

(XIX, 62) Но если этот душевный подъем, который бывает виден в опасностях и в трудах, чужд справедливости и борется не за всеобщее благополучие, а ради своей выгоды, то он порочен; ибо здесь не только нет места для доблести, но скорее оно есть для дикости, отвергающей какую бы то ни было человечность. Таким образом, стоики дают правильное определение храбрости, говоря, что это — доблесть, сражающаяся за справедливость⁶⁷. Поэтому ни один из тех, кто славы за храбрость достиг коварством и злым умыслом, хвалы не заслужил; не может быть нравственно-прекрасным то, что лишено справедливости. (63) Превосходна следующая мысль Платона: «Не только знание, чуждое справедливости, — говорит он, — надо называть хитростью, а не мудростью; нет, также и ум, готовый подвергнуться опасности, если его к этому побуждает его жадность, а не всеобщая польза, следует называть дерзким, а не храбрым»⁶⁸. Поэтому мы и хотим, чтобы храбрые мужи были в то же время великими духом, добрыми и простыми, друзьями правде и ни в коем случае не лживыми; в этом внутренняя ценность справедливости.

(64) Но прискорбно то, что у людей высокого и великого духа легко возникают упорство и непомерное желание первенствовать. Например, у Платона говорится⁶⁹, что нравы лакедемонян были всецело воспламенены жаждой побед и что чем большим величием духа человек обладает, тем сильнее хочет он быть первым из всех, вернее, единственным⁷⁰. Но ведь трудно, когда пожелаешь превзойти всех, соблюдать равенство, в высшей степени свойственное справедливости. Поэтому такие люди и не терпят, чтобы другие превосходили

их — ни при обсуждении вопроса, ни на основании публичного права и законов⁷¹; в государственных дела они в большинстве случаев оказываются склонными к подкупам и мятежам и ставят себе целью достичь возможно большего могущества, предпочитая превосходить других силой, а не быть равными им своей справедливостью. Но чем последняя труднее, тем она прекраснее; ведь чуждым справедливости нельзя быть ни при каких обстоятельствах. (65) Итак, храбрыми и великодушными надо считать не тех, кто совершают, а тех, кто отвергает противозаконие. Но человек поистине мудрый и великий духом считает нравственную красоту, которой природа добивается более всего, основанной на деяниях, а не на славе, и предпочитает первым быть, а не казаться⁷²; и действительно, того, кто повинуется заблуждению неискушенной толпы, относить к числу великих мужей нельзя. С другой стороны, очень легко толкнуть человека на неправые поступки — и тем легче, чем более высоким духом он обладает в связи с его жаждой славы⁷³. Это весьма трудный вопрос, так как едва ли найдется человек, который, взяв на себя труды, усугубленные опасностями, не пожелал бы славы как бы в виде награды за свои деяния.

(XX, 66) Вообще говоря, храбрый и великий ум возможно узнать главным образом по его двум проявлениям: одно — в презрении к внешним обстоятельствам, так как люди убеждены в том, что человек должен восхищаться, или желать, или добиваться только того, что прекрасно в нравственном отношении и что подобает, и не должен поддаваться ни человеку, ни душевному треволнению, ни судьбе⁷⁴; другое — в том, что ты, если ты наделен душой, о которой я говорил выше, совершаешь деяния, правда, великие и необычайно полезные, но весьма трудные и преисполненные лишений и опасностей как непосредственно для жизни, так и для многого, имеющего отношение к жизни. (67) Вся блистательность, величие, прибавлю — и польза, связанны со вторым из этих двух проявлений; основание же и причина, делающие людей великими, — с первым; ибо в нем есть нечто, создающее исключительные умы, презирающие дела человеческие. Это можно узнать по двум проявлениям: если человек считает благом только одно то, что прекрасно в нравственном отношении, и если он свободен от какого бы то ни было душевного треволнения⁷⁵. Ведь умение не придавать большого значения и, по определенным и веским соображениям, презирать то, что большинству людей кажется исключительным и достославным, надо признать свойственным храброму и великому духу; что касается того, что нам кажется горестным, что в большом числе и разнообразии встречается в жизни и в судьбе людей, то переносить это, не отступая ни от естественного порядка вещей, ни от достоинства мудрого человека, свойственно могучему духу и великой стойкости. (68) Но неправильно, чтобы тот, кто перед чувством страха не склонялся, склонялся перед своими желаниями, и чтобы того, кто себя проявил непобедимым в трудах, побеждали наслаждения. Поэтому надо отказываться от наслаждений и бежать от жажды денег. Ведь ничто так не свойственно скучному и бедному уму, как любовь к богатствам, и нет ничего более прекрасного в нравственном отношении и более великолепного, чем презирать деньги, если их не имеешь, а если их имеешь — обращать их на благие и щедрые дела. Надо остерегаться и жажды славы, о чем я уже говорил; ибо она лишает нас свободы, из-за которой великие духом мужи должны всячески состязаться. Даже империя добиваться не надо, вернее, его порой не следует принимать, а иногда надо с себя слагать⁷⁶. (69) Но надо быть свободным от каких бы то ни было душевных треволнений — как от страсти и страха, так и от огорчений,

наслаждения для души⁷⁷ и гнева, чтобы достичь душевного спокойствия и безмятежности, приносящих нам как стойкость, так и чувство собственного достоинства.

Но существует и существовало много людей, в поисках спокойствия, о котором я говорю, отстранившихся от государственных дел и нашедших себе прибежище в бездействии⁷⁸; из их числа знаменитейшие философы⁷⁹ (и притом первые из первых) и некоторые люди суровых и строгих правил не могли мириться ни с нравами народа, ни с нравами первенствовавших людей, и кое-кто из них жил в деревне, удовлетворяясь управлением своим имуществом⁸⁰. (70) Они поставили себе ту же цель, какую ставили себе цари: ни в чем не испытывать недостатка, никому не повиноваться, пользоваться свободой, сущность которой в том, чтобы жить, как хочешь. (XXI) И вот, так как у людей, жаждущих могущества, это — общая черта с этими праздными, о которых я говорил, то одни думают, что смогут достичь этого, если будут располагать большими средствами, другие — если будут довольны своим имуществом, и притом малым. Насчет этого ни мнение одних, ни мнение других вовсе не заслуживает презрения; более того, более безопасна, менее тяжка и менее обременительна для других жизнь людей бездействующих, но более плодотворна для человеческого рода и более способствует достижению известности и высокого положения жизнь тех, кто посвятил себя государственной деятельности и вершению великих дел. (71) Поэтому, пожалуй, можно сделать уступку людям, не берущимся за дела государства, людям, которые, при своем выдающемся даровании, посвятили себя науке, как и тем, кто либо по слабости здоровья, либо по какой-нибудь другой важной причине отстранился от государственных дел, предоставив другим возможность ими ведать и заслуги. Но тем, кто не может сослаться на такую причину, если они, по их словам, презирают то, чем большинство людей восхищается, — империй и магистратуры, не только нельзя, думается мне, ставить это в заслугу, но надо даже вменять в вину; их решение презирать славу и не ставить ее ни во что трудно не одобрить; но они, по-видимому, боятся трудов и тягот и также, так сказать, позора и бесчестия, связанных с неудачами и поражениями. Находятся люди, которые при трудностях не остаются верны себе; они непримиримо презирают наслаждения, но в страдании проявляют слабость; они пренебрегают славой, но оказываются сломленными бесчестием; в последнем случае они недостаточно стойки. (72) Но те, кого природа наделила способностями к деятельности, должны, отбросив всякую медлительность, занимать магистратуры и вершить делами государства; ведь иначе невозможно ни управлять государством, ни проявить величие духа. Что касается людей, берущихся за государственные дела, то они не менее, чем философы (пожалуй, даже и более), должны проявлять величие духа и презрение к делам человеческим, о котором я часто говорю, как и душевное спокойствие и безмятежность, если намерены быть свободны от тревог и прожить, сохраняя свое достоинство и стойкость. (73) Для философов это более легкая задача, так как они в своей жизни менее подвержены ударам судьбы, так как у них меньше потребностей и в случае какого-нибудь несчастья они не могут упасть с такой большой вышины. Поэтому не без причины у людей, занятых государственной деятельностью, возникают душевные волнения (как и стремление вершить более важными делами), более сильные, чем у людей, пребывающих в бездействии, и тем в большей мере, чем более им приходится проявлять величие духа и умение не поддаваться тревогам. Но тот, кто приступает к тому или иному делу, должен помнить, что ему надо

взвесить не только, сколь оно прекрасно в нравственном отношении, но и способен ли сам он совершить его; тут он должен взвесить все, дабы и необдуманно не отчаяться в успехе, и не проявить непомерной самоуверенности ввиду своего честолюбия. Во всех делах, прежде чем к ним приступить, нужна тщательная подготовка.

(ХХII, 74) Хотя большинство людей ставит воинские заслуги выше гражданских, с таким мнением вполне согласиться нельзя⁸¹. Ведь многие часто стремились вести войны, будучи охвачены жаждой славы, и это в большинстве случаев бывает у людей великих духом и одаренных — тем более если они способны к военному делу и жаждут вести войны; но если мы захотим судить здраво, то на гражданском поприще было много примеров деятельности более значительных и более славных, чем на военном. (75) И право, хотя Фемистокла⁸² по справедливости прославляют, и его имя более знаменито, чем имя Солона⁸³, и о Саламине говорят как о свидетеле величайшей победы, которую ставят выше решения Солона, на основании которого он впервые учредил Ареопаг⁸⁴, решение это надо считать не менее славным, чем победу под Саламином; ведь она принесла пользу всего один раз, а решение Солона всегда будет служить гражданам на пользу; оно охраняет афинские законы, охраняет установления предков, и Фемистокл не мог бы назвать ничего такого, в чем он поддержал Ареопаг, но последний по справедливости мог бы сказать, в чем он поддержал Фемистокла; ибо войну вели по решению сената — того, который был учрежден Солоном. (76) То же самое можно сказать о Павсании⁸⁵ и о Лисандре⁸⁶: хотя благодаря их подвигам, как думают, было расширено владычество Лакедемона, все-таки их деяния ни в чем не сравнить с законами и установлениями Ликурга⁸⁷; более того, именно благодаря последним у лакедемонян были более верные и более храбрые войска. Мне лично ни во времена моего отрочества не казалось, что Марк Скавр⁸⁸ уступал Гаю Марию⁸⁹, ни — когда я уже начал заниматься государственной деятельностью — что Квинт Катул⁹⁰ уступал Гнею Помпею⁹¹; невелика ведь цена оружию за пределами страны, если мудрого совета нет дома. И Публий Африканский⁹², выдающийся муж и император, разрушением Нуманции послужил государству не более, чем ему в то же время послужил Публий Насика⁹³, когда он, будучи частным лицом, убил Тиберия Гракха; впрочем, деяние это, если говорить строго, относится не только к делам внутренним (оно относится и к военным делам, так как было совершено силой и вооруженной рукой); именно это было совершено все-таки по решению, принятому в Городе, и без участия войска. (77) Но вот прекрасные слова, которые, как я узнал, бесчестные люди и завистники обыкновенно подвергают нападкам:

Меч, перед тогой склонись; ветвь лавра, склонись пред заслугой!⁹⁴

Не буду говорить о других людях; но не тогда ли, когда именно я стоял во главе государства, перед тогой склонился меч? Никогда ведь испытание для государства не было более тяжким, не было большим спокойствие. Таким образом, благодаря моим решениям и моей бдительности мечи, быстро выскоцкнувшие из рук дерзновенных граждан, сами упали на землю. Да был ли когда-либо совершен такой великий подвиг на войне? Какой триумф можно с ним сравнить? (78) Ведь мне дозволено, сын мой Марк, похвалиться этим перед тобой, который должен и унаследовать мою славу, и подражать моим деяниям. Муж,

несомненно совершивший много воинских подвигов, — Гней Помпей в присутствии множества людей почтил меня признанием того, что он напрасно заслужил бы свой третий триумф⁹⁵, не будь у него — после благодеяния, мною оказанного государству, — места, где он мог бы его справить. Следовательно, храбрые действия, совершенные в Риме, не уступают храбрости на войне; ведь в первые надо вкладывать даже больше усилий и рвения, чем во вторую.

(ХХIII, 79) Вообще говоря, нравственно-прекрасное, которого мы ищем в возвышенной и великой душе, совершается силами духа, а не тела. Все же мы должны упражнять свое тело и блюсти его так, чтобы оно могло повиноваться мудрости и разуму, выполняя поставленные перед ним задачи и перенося лишения. Что касается нравственно-прекрасного, которого мы ищем, то оно целиком связано с нашими заботами и размышлениями; в этом отношении люди, которые стоят во главе государства, будучи облечены в тоги, приносят ему пользу не меньшую, чем та, какую ему приносят те, кто ведет войну. Так, по их совету, в одних случаях войн часто не начинали, в других заканчивали их, а иногда даже объявляли, как это было при третьей Пунической войне, когда был велик авторитет Марка Катона, и притом даже после его смерти⁹⁶. (80) Поэтому, несомненно, надо искать пути для разрешения спора, а не проявлять решимость на войне; но надо остерегаться, дабы не поступить так скорее в стремлении уклониться от войны, чем из соображений пользы. Войну же надо начинать так, чтобы казалось, что мы не ищем ничего другого, кроме мира. И свойство храброго и стойкого человека, право, в том, чтобы не приходить в смущение при трудностях и, в смятении, не давать себя сбить с исходной позиции⁹⁷, как говорится, но проявить присутствие духа и осмотрительность и не лишиться рассудка. (81) Впрочем, это относится к духу; но вот что относится также и к великому уму: размышляя, предвидеть будущее, заблаговременно определять, что может случиться хорошего и дурного и что понадобится делать, когда что-нибудь произойдет, и не доводить до того, чтобы когда-либо пришлось сказать: «Об этом я не подумал»⁹⁸. Вот дела человека великого и высокого духа, который уверен в своей дальновидности и мудрости; но опрометчиво бросаться в сражение и врукопашную биться с врагом⁹⁹ — дикость, подобная звериной; однако если обстоятельства и необходимость этого требуют, то надо и не на жизнь, а на смерть сразиться в рукопашном бою и предпочесть смерть рабству и позору.

(ХХIV, 82) Что касается разрушения и разграбления городов, то надо строго следить за тем, чтобы не было допущено ни опрометчивости, ни жестокости¹⁰⁰. Долг великого мужа — среди потрясений карать виновных, но большинство людей щадить, при любых обстоятельствах оставаться верным справедливости и нравственной красоте. Ведь если, как я уже говорил выше, бывают люди, ставящие воинские заслуги выше деяний на гражданском поприще, то можно найти многих людей, которым опасные и сгоряча принятые решения кажутся более блестательными и более великими, чем решения, принятые спокойно и продуманные. (83) Вообще никогда нельзя допускать, чтобы мы в бегстве своем от опасности оказались слабы и трусливы; надо также избегать положения, когда мы подвергнемся опасности неоправданно; нелепее этого не может быть ничего. Поэтому мы, вступая на путь опасностей, должны брать пример с врачей, которые при легком недомогании лечат мягко действующими средствами, а при более тяжелых болезнях вынуждены применять опасное лечение, когда исход сомнителен. Поэтому среди

спокойствия желать идущей на нас бури свойственно безумному человеку, но встретить бурю любым способом свойственно мудрому, особенно если мы, выяснив положение вещей, можем достичь блага большего, чем то зло, какое возникнет вследствие наших колебаний. Опасны наши действия бывают одни для тех, кто их совершает, другие для государства. (84) И опять-таки одни люди бывают призваны рисковать своей жизнью, другие — своей славой и расположением граждан. Следовательно, мы должны быть более склонны сами подвергаться опасностям, чем подвергать им сограждан, и более готовы сражаться ради чести и славы, чем ради других благ. Однако находилось много людей, которые были готовы отдать за отчество не только свое имущество, но и жизнь, но не соглашались поступиться даже малой частью своей славы, и притом несмотря на требование государства¹⁰¹. Так, например, Калликратид¹⁰², после того как был военачальником лакедемонян во время пелопоннесской войны и совершил много подвигов, под конец все погубил, не повиновавшись решению тех, кто нашел нужным отвести флот от Аргинусских островов и не давать боя афинянам; он ответил им, что лакедемоняне, потеряв флот, смогут построить другой, но что он не может обратиться в бегство без того, чтобы не покрыть себя позором. Правда, удар этот не был для лакедемонян особенно тяжек, но пагубен был другой — когда могущество лакедемонян пало после того, как Клеомброт, боясь ненависти, опрометчиво вступил в борьбу с Эпаминондом¹⁰³. Насколько лучше поступил Квинт Максим¹⁰⁴, о котором Энний писал:

Нам один человек промедлением спас государство.
Он людскую молву отмечал ради блага отчизны.
День ото дня все ярче теперь да блестит его слава!

Проступков, о которых мы ведем речь, следует избегать даже в гражданской жизни. Ведь есть люди, которые мнение свое, даже если оно превосходно, все же, из страха перед ненавистью, высказать не решаются.

(XXV, 85) Вообще говоря, тем, кто будет стоять во главе государства, надо руководствоваться двумя наставлениями Платона¹⁰⁵: одно требует, чтобы они, оберегая интересы граждан, сообразовали все свои действия именно с ними, забыв о собственной выгоде; другое — чтобы они заботились о государстве в целом и при этом, оберегая какую-нибудь одну часть его интересов, не оставляли без внимания остальных; ведь управление государством, подобно опеке, должно быть посвящено пользе тех, кто поручен нам, а не пользе тех, кому поручено оно. И те, кто об одних гражданах заботится, а других оставляет без внимания, вносят в гражданскую общину весьма пагубное начало — мятежи и раздоры; ввиду этого одни оказываются сторонниками народа, другие — сторонниками всех честнейших людей¹⁰⁶, немногие — сторонниками всех. (86) Отсюда сильнейшие раздоры в Афинах, а в нашем государстве не только мятежи, но и губительные гражданские войны. Гражданин строгих правил, храбрый и достойный первенства в государстве, будет этого избегать и ненавидеть это, всецело посвятит себя служению государству, не станет добиваться богатств и могущества и будет оберегать государство в целом, заботясь обо всех гражданах; он не станет вызывать ненависть или зависть к кому бы то ни было, прибегая к ложным обвинениям, и вообще будет держаться справедливости и нравственной красоты,

так что он, оставаясь верен им, пойдет на любые столкновения и даже согласится умереть, но не откажется ни от чего из того, что я назвал. (87) Весьма жалки честолюбие и соперничество из-за магистратур, о котором превосходно говорится все у того же Платона¹⁰⁷: «Те, кто соперничает друг с другом из-за того, кому из них управлять государством, поступают так же, как поступили бы моряки, которые стали бы спорить из-за того, кому из них управлять кораблем». И он же учит, что «мы должны считать своими противниками тех, кто на нас пойдет с оружием в руках, а не тех, кто захочет по своему разумению оберегать интересы государства». Таковы были разногласия между Публием Африканским и Квинтом Метеллом¹⁰⁸, свободные от горечи.

Примечания

1. Ср. ниже, 94.
2. О Гае Сульпиции Гале см. «О старости», прим. 116.
3. Секст Помпей — дядя Гнея Помпея Великого, консула 70, 55 и 52гг., брат Гнея Помпея Страбона. См. Цицерон, «Брут», 175.
4. Ведь вся заслуга доблести состоит в деятельности... — Важное положение, господствовавшее в нравственной философии Рима. Ср. III, 1 сл.; «О государстве», I, 1 сл.
5. См. ниже, III, 76.
6. ...если люди некогда пришли на свободные земли... — Отсюда термин «ager occupatorius», т. е. земли, которые государство предоставляло в пользование частным лицам; последние должны были сдавать десятину своего урожая; земли эти оставались собственностью государства. Такое землепользование называлось оккупацией.
7. Платон, письмо IX, 358 А (к Архиту). Ср. Цицерон, «О государстве», I, 8; «О пределах добра и зла», II, 45.
8. ...верность [fides] была названа так потому, что сказанное делается [fit]. — Своеобразная этимология. Ср. Цицерон, «О государстве», IV, 7.
9. Марк Лициний Красс Богатый — консул 70 и 55 гг., триумвир; погиб в 53 г. во время похода против парфян. Ср. III, 73 сл.; «О пределах добра и зла», III, 75; Плиний, «Естественная история», XXXIII, 47, 1; Плутарх, «Красс», II.
10. Энний, фр. 404 сл. Фален². Ср. Цицерон, «О государстве», I, 49; «О дружбе», 36; Лукан, «Фарсалия», I, 92 сл.
11. Ср.: Цицерон. Письмо к Аттику, VII, 11, 1 (303). Гай Юлий Цезарь родился в 100 г. (возможно, в 102 г.); в 68 г. был квестором, в 65 г. курульным эдилом, с 63 г. верховным понтификом, в 62 г. претором, в 59, 48, 46 и 45 гг. консулом, в 49, 47, 45 и 44 гг. диктатором; был убит заговорщиками 15 марта 44 г. Ср. ниже, 43; 57; II, 2; 23; 27; 84; III, 19; 82.
12. Понятие о принципате появилось еще до принципата Августа. Ср. Цицерон. XIV филиппика, 18; Письмо к близким, I, 9, 11 (159); Саллюстий. Эксцерпты. Речь Гая Лициния Макра. 23.
13. Ср. Платон, «Федон», 64 D; «Государство», I, 247 A; V, 475 B; VI, 485 F; VII 520 D; «Пир», 216 E.
14. Ср. «О дружбе», 87.

15. Теренций, «Самоистязатель», 496; Ср. Цицерон, «О законах», I, 33.

16. Ср. III, 94 и прим. 140; Еврипид, «Ипполит», 1349. Три желания: 1) возможность возвратиться из подземного царства, 2) возможность выйти из лабиринта, 3) смерть Ипполита.

17. Заступники (*advocati*) — уважаемые граждане, присутствовавшие на суде и оказывавшие одной из сторон нравственную поддержку; они не произносили речей.

18. Городской претор, приступая к исполнению обязанностей, выпускал эдикт с изложением основ, каким он будет следовать. Эти эдикты, явившиеся дополнением к нормам гражданского права и истолкованием их, составили преторское право; в правление императора Адриана (II в. н.э.) магистраты были лишены права издавать эдикты; прежние эдикты были сведены в так наз. *edictum perpetuum*.

19. Ср.: Теренций, «Самоистязатель», 796: «Злу высшему равна законность высшая» (перевод А.В. Артюшкова). Т. е. чересчур строгое соблюдение закона приводит к правонарушению. Ср. Цицерон, речь по делу Цецины, 65.

20. По свидетельству Плутарха («Апофтегмы лаконян», 223 В), речь идет о военных действиях спартанского царя Клеомена (520–491) против Аргоса.

21. Квинт Фабий Лабеон был консулом в 183 г. См. Цицерон, «Брут», 81; Валерий Максим, VII, 3, 4.

22. См. Платон, «Горгий», 525 В.

23. ...строже всего надо соблюдать право войны. — Отсюда и по § 40 все высказывания Цицерона относятся к международному праву. См. III, 107 сл.

24. См. ниже, 80; Фукидид. I, 124, 2; Платон, «О законах», I, 628 Е; Аристотель, «Политика», VII, 14, 454.

25. Карфаген был взят и разрушен Сципионом Эмилианом в 146 г., Нуманция — в 133 г. Отсюда его прозвания Африканский Нумантийский. Ср. «О дружбе», прим. 23.

26. Коринф был взят и разрушен консулом Луцием Муммием в 146 г. В 46 г. Цезарь восстановил город. Ср. III, 46.

27. Если бы послушались меня... — Имеется в виду время перед началом гражданской войны (49 г.), когда Цицерон пытался примирить стороны. См. речи: По поводу возвращения Марцелла; 14; В защиту царя Дейотара, 29; II филиппика, 23 сл.; письмо к Аттику, VII, 3, 6 (293).

28. После применения тарана при осаде город считался взятым силой и отдавался солдатам на разграбление. См. Цезарь, «Галльская война», II, 32.

29. О патронате см.: Цицерон, «О старости», прим. 80. Луций Эмилий Павел и его потомки стали патронами македонян, Фабии — патронами аллобров, Марцеллы — патронами сиракузян, Сципионы — патронами африканских провинций. См.: Саллюстий, «Катилина», XII, 4 сл.

30. Фециалы — коллегия жрецов бога Верности (*dius Fidius*); ведала соблюдением международных договоров, объявляла войну и заключала мир. При объявлении войны их старшина (*pater patratus*) в древнейшие времена метал копье на вражескую территорию; впоследствии он метал копье в пределах города Рима. При заключении мира фециалы приносили жертву. См.: Цицерон, «О законах», II, 21.

31. О термине «император» см.: Цицерон, «О старости», прим. 156. Гай Попилий Ленат был консулом в 172 г.

32. Сын Марка Порция Катона Цензория.

33. Луций Эмилий Павел, консул 168 г. См. Плутарх, «Эмилий Павел», XXI.

34. ...называли гостем. — В древнейшую эпоху чужеземца называли *hostis* («гость»); он имел право на гостеприимство; впоследствии это слово стало означать «враг». *Perduellis* — государственный преступник, изменник. См.: Варрон, «О латинском языке», V, 3; VII, 49.

35. Согласно традиции, первое писаное уложение Рима составили в 451 г. десять патрициев (*decemviri legibus faciundis*): оно заменило собой обычное право (*mos maiorum*). Его текст был вырезан на 12 бронзовых досках; они погибли во время нашествия галлов, до нас дошли только фрагменты. Уложение это называлось Двенадцатью таблицами (XII *Tabulae, codex decemviralis*). См.: Цицерон, «О государстве», II, 61; 63; Ливий, III, 35 сл.

36. В подлиннике *auctoritas* — показания свидетеля, гарантия, право заявлять притязания. Имеются в виду тяжбы с чужеземцами, не пользовавшимися правом давности (*usucapio*).

37. Кельтиберы — народность в Испании. Кимбрры — германское племя, разбитое Гаем Марием в 101 г. под Верцеллами.

38. Пуници нарушали договоры, жесток был Ганнибал... — Обычный упрек по отношению к пунiciям и Ганнибалу. Ср. III, 100; «О старости», 75; «О дружбе», 28; II речь о земельном законе, 95; речь в защиту Скавра, 42; Гораций. Оды, II, 12, 2. Ганнибал — карфагенский полководец во время второй пунической войны, был разбит Сципионом Старшим под Замой в 202 г.; отравился в 183 г.

39. Энний, «Анналы», VI, фр. 194 сл. Фален². Ответ царя Пирра римским послам, во главе которых был консул 282 г. Гай Фабриций Лусцин. Ср.: Цицерон, «Брут», 55.

40. Царь Пирр вел свой род от Пирра, или Неоптолема, сына Ахилла. Неоптолем считался внуком Эака (миф.). Эак, сын Зевса и нимфы, был судьей в подземном царстве и считался образцом справедливости.

41. О Марке Атилии Регуле см.: Цицерон, «О старости», 75 и прим. 162.

42. Регул не счел для себя возможным выступить в сенате, так как его гражданская правоспособность уменьшилась (*deminutio capititis*) ввиду того, что он попал в плен. См. III, 99 сл.; Гораций, Оды, III, 5, 42; Ливий, XXII, 60, 15.

43. После битвы под Каннами... — в 216 г. Ср. III, 99 сл.

44. Эрарные трибуны первоначально были магистратами, собиравшими контрибуцию и выдававшими жалование солдатам, они составляли сословие, по цензу (300 000 сестерциев) следующее после всаднического. Цензоры были вправе зачислять граждан в это низшее сословие. Ср.: Цицерон. Речь в защиту Клуенция, 126; Авл Геллий, IV, 12.

45. Ср. ниже, III, 86. В некоторых рукописях рассказа об этом событии нет. См.: Авл Геллий, III, 8; Валерий Максим, VI, 5, 1; Плутарх, «Пирр». XX сл.

46. Ср.: Платон, «Государство», II, 361 А.

47. Ср. выше, 20.

48. Речь идет о продаже имущества проскриптов, совершенной Луцием Корнелием Суллом в 82 г.; далее — о конфискации и продаже имущества помпеянцев; это совершил

Цезарь в 49–48 гг. Ср.: II, 27; речи: Против Верреса, (II) III, 81; II речь о земельном законе, 56.

49. Ср.: III, 13 сл.; 69; «О пределах добра и зла», V, 43.

50. См.: Гесиод, «Труды и дни», 349 сл.; Ср.: Цицерон, «Брут», 15; письмо к Аттику, XIII, 12, 3 (631).

51. Ср.: Цицерон, «Тускуланские беседы», IV, 24.

52. Ср.: Цицерон, «О подборе материала», I, 5. Частое рассуждение у древних.

53. Ср.: Цицерон, «О законах», I, 33; Платон, «Федр», 279 С; Аристотель, «Никомахова этика», VIII, 9, 1.

54. Энний. Неизвестная трагедия, фр. 398 сл. Фален²; ср. III, 54; Речь в защиту Бальба, 36.

55. Древние считали воду и огонь началами, необходимыми для существования.

См.: Цицерон, «О дружбе». Прим. 48.

56. Ср.: Платон, «Законы», VI, 776 А; Аристотель, «Политика», I, 1, 7.

57. Ср.: Цицерон, «О законах», II, 3; Брут, 62; Речь об ответе гарусников, 32.

58. Ср.: Цицерон, «О дружбе», 92. См.: Цицерон, «О старости». Прим. 172.

59. Ср. ниже, 86; Цицерон, «О государстве», I, 7; Аристотель, «Никомахова этика», IX, 8, 9.

60. Имеются в виду Марк Антоний, а в прошлом Гракхи, Катилина, Публий Клодий, Цезарь.

61. Ср. «О дружбе», 88 сл.

62. ...по расчислению обязанностей... — Так называемая «эйлогистия» стоиков: точный расчет взаимных обязанностей и услуг. Ср.: Цицерон, «О дружбе», 58.

63. Фрагменты трагедий, 210 Риббекк². «Дева», возможно, Клелия, девушка, согласно легенде, переданная как заложница этрускому царю Порсенне и переплывшая Тибр с целью бегства; ее возвратили царю, но он освободил ее за храбрость.

64. Энний, «Аякс», фр. 18 Фален². Сальмакида — источник в Карии, названный по имени нимфы (миф.); его вода будто бы делала человека склонным к чувственным наслаждениям. Сальмакид — потомок этой нимфы, изнеженный человек. Ср.: Овидий, «Метаморфозы», IV, 285 сл.; XV, 319.

65. Под Марафоном греки в 490 г. одержали победу над персами (первая греко-персидская война); под Фермопилами они отличились в 480 г., как и под Саламином; под Платеями — в 479 г. (вторая война с персами). Под Левктрами фиванцы под предводительством Эпаминонда одержали победу над спартанцами в 371 г.

66. По преданию, Гораций Кокл прославился при защите свайного моста на Тибре во время войны с этрусками (Ливий, II 10). О Дециях см. «О старости», прим. 103; о Гнее и Публии Сципионах — там же, прим. 68; о Марке Клавдии Марцелле — там же, прим. 165.

67. Ср.: Цицерон, «Тускуланские беседы», IV, 53.

68. См.: Платон, «Менексен», 247 А; «Лахес», 197 В.

69. См.: Платон, «Лахес», 182 Е-183 А; Государство, VIII, 545 А; Законы, I, 630 D.

70. ...тем сильнее хочет быть... единственным. — Намек на Цезаря и Помпея. Ср.: Лукан. Фарсalia, I, 125; Флор. IV, 2, 14; Веллей Патеркул. II, 33.

71. Публичное право (*ius publicum*) — совокупность правовых норм, определявших взаимоотношения между государством и гражданином, а также и между гражданами, когда эти взаимоотношения имели значение для государства в целом. Здесь имеются в виду выступления в комициях и в суде.

72. Быть и казаться — частая тема в античной литературе. Ср.: Эсхил, «Семеро против Фив», 592; Платон, «Государство», II, 361; Саллюстий, «Катилина», LIV, 6.

73. ...в связи с его жаждой славы. — Цицерон незадолго до того написал трактат «О славе» (утрачен).

74. Ср.: Цицерон, «О дружбе», 7.

75. Ср.: Цицерон, «О пределах добра и зла», III, 35; «Тускуланские беседы», IV, 11.

76. ...иногда надо с себя слагать. — В год своего консулаты Цицерон отказался от предстоявшего ему проконсулаты в Цисальпийской Галлии, а затем в Македонии. В 78 г. Луций Сулла отказался от своей диктатуры, не ограниченной сроком.

77. «Наслаждение для души» (*voluptas animi*) — частое выражение у Цицерона; синоним радости, ликования (*laetitia*).

78. См.: Цицерон, «О старости». Прим. 115.

79. ...знаменитейшие философы... — Например, Платон, Аристотель, Зенон, Пифагор, Анаксагор.

80. ...жил в деревне, удовлетворяясь управлением своим имуществом, — Например, Тит Помпоний Аттик и Марк Порций Катон Цензорий. См.: Цицерон, «О государстве», I, 9; Брут, 236.

81. ...с таким мнением вполне согласиться нельзя. — В 63 г. в речи в защиту Мурены, 19 сл. Цицерон высказал противоположное мнение.

82. О Фемистокле см.: Цицерон, «О старости». Прим. 17; «О дружбе». Прим. 80.

83. О Солоне см.: Цицерон, «О старости». Прим. 62.

84. Ареопаг («холм Ареса») — древний совет афинской городской общины, обладавший политической и судебной властью. Ниже Цицерон называет ареопаг сенатом. См.: Плутарх, «Фемистокл», X.

85. Спартанец Павсаний командовал греческими войсками во время битвы при Платее в 479 г. Он умер в 470 г., будучи осужден за измену отечеству. См.: Геродот; IX, 49 сл.

86. О Лисандре см.: Цицерон, «О старости». Прим. 138.

87. Ликур — легендарный законодатель Спарты (IX в.); не смешивать с одноименным афинским государственным деятелем (IV в.).

88. Марк Эмилий Скавр — консул 115 г., цензор 109 г., построил дорогу (Эмилиева дорога) и восстановил мост на Тибре в Риме (Мильвиев, Мульвиев, Эмилиев мост). См. ниже, 108. Ср.: Цицерон. Речи: В защиту Мурены, 36; В защиту Фонтея, 24; В защиту Сестия, 39; Ювенал. Сатиры, XI, 91.

89. Гай Марий — консул 107, 104–100 и 86 гг., руководил военными действиями против Югурты, разбил тевтонов в 102 г. и кимвров в 101 г.; противник Суллы в гражданской войне; для Цицерона образчик римской доблести. См.: Цицерон. Речи: В защиту Гая Рабирия, 27; Против Катилины: I речь, 4; III речь, 15; IV речь, 21; В защиту Сестия, 37; 50; Об ответе гарусников, 51; 54; О консульских провинциях, 26; 32; письмо к Аттику, X, 10, 3 (364).

90. Квинт Лутаций Катул — консул 78 г.; один из судей по делу Верреса; в 66 г. противник Манилиева закона о предоставлении Помпею верховного командования в войне против Митридата Понтийского. Он восстановил пострадавший от пожара храм Юпитера Капитолийского; отсюда его прозвание «Капитолийский».

91. Гней Помпей Великий — родился в 106 г. Консул 70, 55 и 52 гг. В 76 г. вел войну в Испании против Сертория; в 67 г. уничтожил пиратов на Средиземном море; в 66–63 гг. успешно воевал с Митридатом; участник триумвирата в 60 г. В 49–48 гг. во время гражданской войны был на стороне сената; после поражения под Фарсалом в 48 г. бежал в Египет, где был предательски убит. См.: Цицерон. Речь о предоставлении империя Гнею Помпею (О Манилиевом законе).

92. Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Нумантнийский — см. с. 183.

93. Публий Корнелий Сципион Насика Серапион — см. ниже, 109; Цицерон, «О дружбе». Прим. 77.

94. Стих из поэмы Цицерона «О моем консулате». Имеется в виду подавление движения Катилины: лавры — триумфатора, заслуга — консула, не применявшего чрезвычайных полномочий. Ср.: Цицерон. Речи: Против Писона, 72 сл.; II филиппика, 20; Письма к Аттику, I, 19, 10 (25); 20, 6 (26); 27, 6 (27); II, 3, 4 (29).

95. Имеется в виду триумф Помпея после победы над Митридатом, спровоцированный в 60 г. Он спровоцировал первый триумф в 80 г., после победы в Нумидии над царем Яробой, второй — в 71 г., после победы над Серторием и испанцами. См. II филиппика, 12; письмо к Аттику, I, 19, 7 (25).

96. Марк Порций Катон Цензорий — участник второй пунической войны и сторонник новой войны против Карфагена; он умер в 149 г. за три года до разрушения Карфагена. См.: Цицерон, «О старости», 18; Плутарх, «Катон Старший», XXVII; Тацит, «Анналы», II, 37; Валерий Максим, VIII, 15, 2.

97. ...сбить с исходной позиции... — Термин гладиаторов — *de gradu deicere*; также и военный термин: *gradus* — исходная позиция, исходное положение войск.

98. «Об этом я не подумал». — По свидетельству Валерия Максима, VII, 2, 2, Сципион считал позорным такое признание, когда дело шло о военных действиях. Ср.: Цицерон. Речь в защиту Лигария, 30.

99. ...врукопашную биться с врагом... — Возможно, намек на Цезаря, иногда участвовавшего в рукопашном бою вместе с солдатами. См.: Светоний, «Божественный Юлий», 57 сл.; 62; Плутарх, «Цезарь», XVII.

100. Ср.: Цицерон. Речь против Верреса, (II) IV, 120.

101. ...несмотря на требование государства... — Возможно, что Цицерон здесь хочет оправдать свою «палинодию» (греч.: отказ от ранее высказанных взглядов и от прежней линии поведения и выступление на стороне прежних противников), т. е. свою речь о консульских провинциях (56 г.), в которой он выступил в защиту интересов Цезаря, одного из виновников его изгнания в 58 г. См.: Цицерон. Речи: О консульских провинциях, 18; 21; 47; В защиту Бальба, 60 сл.; письма: к Аттику, IV, 5, 1 (110); к близким, I, 9 (159).

102. Калликратид — флотоводец Спарты, вставший во главе флота в 406 г.; был убит в бою под Аргинузскими островами.

103. Клеомброт — царь Спарты (380–371); пал в сражении под Левктрами, Эпаминонд — фиванский полководец, прославившийся в войне против Спарты (победа под Левктрами в 371 г. и под Мантинеей в 366 г.).
104. Квинт Фабий Максим Веррукос Кунктор — диктатор 217 г. Ср.: Цицерон, «О старости», 10.
105. Ср.: Платон, «Алкивиад» I, 126 С; «Государство», I, 342 Е; IV, 420 В-С; 421 В-С; «Законы», IV, 715 В.
106. Ср.: Цицерон. Речь в защиту Сестия, 96 сл.
107. Ср.: Платон, «Государство», VI, 488 В; VIII, 567 С; «Законы», V, 731 А-В; IX, 856 В.
108. Ср.: Цицерон, «О дружбе», 77. Речь идет о разногласиях между Сципионом Эмилианом и Квинтом Цецилием Метеллом Македонским, консулом 143 г. См. ниже, III, 79.